

С. Я. БОРОВОЙ

«ПУТЕШЕСТВИЕ ОНЕГИНА» И ОДЕССКАЯ ТЕМА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА

Отрывок из «Евгения Онегина», заключавший в себе знаменитые «одесские строфы», был опубликован в 1827 году. Наиболее видный тогда представитель литературной Одессы, старый знакомый Пушкина В. И. Туманский в письме к поэту прекрасно сказал, что в его описании Одессы «заключается грамота на бессмертие нашего города», и предупреждал, что «Одесский вестник» «осмеливается» перепечатать на своих страницах эти строки, ибо «они нам принадлежат по праву»¹.

И действительно, в тот же день, когда было написано это письмо (20 апреля 1827 года), «Одесский вестник» опубликовал отрывок из «Путешествия Онегина», сопроводив его следующим примечанием редакции: «В 6-ом номере Московского вестника помещен отрывок из седьмой главы Евгения Онегина, стихотворного романа А. С. Пушкина, в котором пленительными стихами, в картине яркой, верной и веселой, изображено физическое и нравственное состояние Одессы. Пребывание г. Пушкина в нашем городе придает особую занимательность сему прелестному отрывку, и мы уверены, что все читатели будут нам благодарны за напечатание оного в «Одесском вестнике». Между тем мы надеемся, что знаменитый наш поэт простит нам похищение сих стихов»².

В настоящей статье автор не ставит перед собой задачу подвергнуть подробному анализу тот отрывок из «Онегина», в котором разворачивается живописная панорама южного го-

¹ В. Туманский. Стихотворения и письма. СПб., 1912, стр. 306; А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений. Л., Изд-во АН СССР, 1937—1949, т. XIII, стр. 327 и 328.

² «Одесский вестник», 1827, № 30.

рода, зарисованная с чарующим поэтическим мастерством, согретая теплым дружеским юмором, расцвеченная множеством красочных и точно подмеченных деталей и местных реалий, являющихся итогом личных наблюдений поэта, покинувшего Одессу незадолго до написания этих строк.

Задача статьи более скромная и более специальная. Автор пытается, во-первых, показать, как сложился литературный облик Одессы до появления строф из «Онегина», во-вторых, проследить, какое влияние оказали пушкинские строфы на литературное описание Одессы.

Опираясь на эти наблюдения, можно будет показать, какое место заняли пушкинские строфы в литературной «одессике», можно будет вписать их в общелитературный, а значит, в известной мере, в общественно-идейный контекст того времени. Как ни узок и специален тот участок литературы, который изучается автором, как ни случаен подбор материалов, привлекаемых в соответствии с этой темой к рассмотрению, — все же и здесь не могли не найти известного отражения общие процессы общественно-литературной и идейной борьбы, столкновение разных враждебных друг другу эстетик.

Придется напомнить о некоторых фактах, уже привлекавших внимание исследователей (из дореволюционных — А. И. Кирпичников и Д. Атлас³, из советских — М. П. Алексеев, З. А. Бориневич-Бабайцева, В. С. Алексеев-Попов⁴). В упомянутых только что работах М. П. Алексеева, З. А. Бориневич-Бабайцевой и В. С. Алексеева-Попова заключено много ценных наблюдений и плодотворных мыслей. Нужно, однако, отметить, что значительная часть материалов, которая будет приведена в этом сообщении, вводится впервые в «одессику» — это объясняется тем, что «одессика» в таком аспекте, насколько известно, до сих пор не подвергалась обследованию.

Ко времени появления отрывков из «Путешествия Онегина» Одесса уже неоднократно являлась предметом литератур-

³ См. А. И. Кирпичников. Одесса и Пушкин. «Исторический вестник», 1889, июнь, стр. 624—641; его же. Умственная жизнь Одессы в первое столетие. «Очерки по истории новой русской литературы», т. I. Изд. 2. М., 1903, стр. 440—477. (Впервые напечатано в книге «Одесса. 1794—1894». Одесса, 1895); Д. Г. Атлас. Старая Одесса в русской литературе (1820—1840). «Известия одесского библиографического общества», т. I. Одесса, 1913, стр. 39—58. (Эта работа тематически ближе других к теме статьи. Но она представляется в настоящее время наивной по своей методологии, неприемлемой по ряду утверждений и неполной по фактическому материалу. В ней не упомянуто больше половины тех авторов, о которых будет идти речь в настоящей статье).

⁴ См. М. Алексеев. Вводная статья к «Материалам для биографического словаря одесских знакомых Пушкина». «Пушкин. Статьи и материалы», вып. III. Одесса, 1927, особо стр. 17 и 18; З. Бориневич-Бабайцева. Пушкин и одесские альманахи. «Пушкин. Статьи и материалы», вып. II. Одесса, 1926; В. Алексеев-Попов. Пушкин и литературная жизнь Одессы. Сб. «О. Пушкин в Одессе». Одесса, 1949.

ных описаний. Однако гениальные пушкинские строфы навсегда вычеркнули из памяти другие опыты введения одесской темы в русскую литературу. Впрочем забытыми эти произведения оказались не только потому, что им, так сказать, «не повезло», так как их стали невольно сопоставлять с пушкинскими стихами. Нет, независимо от этого эти произведения не смогли бы выдержать испытания временем. И если все же мы хотим напомнить о них, то это потому, что нам представляется небезынтересным показать, как соотносятся эти произведения на одесскую тему с «пушкинской Одессой».

Делается это, конечно, не для того, чтобы обнаружить какие-то «заимствования» Пушкина. Совершенно естественно, что некоторые совпадения будут, и их можно объяснить единством объекта наблюдения. В различных произведениях, конечно, по-разному — в меру своих художественных возможностей, в зависимости от общественно-политической направленности, в соответствии со своей творческой манерой и с требованиями литературного жанра и т. д. — но отображались в той или иной мере черты реальной Одессы. И все же нам представляется, что было бы неправильным абсолютно не учитывать наличие некоторой сформировавшейся к концу первой трети XIX века традиции литературного восприятия Одессы. Нет сомнения, что пушкинские одесские строфы были в литературном плане в известной мере полемичны. И сам Пушкин подсказал нам допустимость такого подхода к его зарисовкам Одессы. Всем памятна его ссылка на стихотворение Туманского, которое Пушкин с таким великодушием назвал «звучным», но тут же с мягким юмором «уничтожил», показав, что, воспевая несуществующие одесские сады, Туманский ради мнимых поэтических красот нарушил правду жизни, а значит — с точки зрения тогдашнего Пушкина — лишил свое произведение и подлинной литературной ценности.

Проследим же, хотя бы кратко, как шло развитие одесской темы в русской литературе «допушкинской поры».

Первое известное нам произведение русской литературы, связанное с Одессой, было опубликовано в 1797 году в журнале «Приятное и полезное препровождение времени». Там была напечатана «Песнь», подписанная инициалами К. Ф. С., которые расшифровываются как кн. Ф. Сибирский. В основе своей это стихотворение было вариацией известной народной песни и предназначалось для пения. Автор даже указывал, что оно поется «на голос: стонет сизой голубочек». В самом тексте песни нет никаких прямых или косвенных упоминаний Одессы, но рядом с инициалами автора стоит: «В лагере при Одессе, Июня 13 дня 1796 г.». Таким образом, эта песнь была написана в первые и чрезвычайно трудные дни в истории города. Известно, что как раз в это время русские солдаты, составлявшие тогда значительную часть населения города и размещенные в

«строющейся» Одессе или около нее, испытывали чрезвычайные бедствия из-за недостатка пресной воды, нехватки продовольствия, неподготовленности жилищ и т. п., что в значительной мере явилось результатом недобросовестности и казнокрадства местной администрации, возглавляемой Дерибасом. Это привело к большой смертности среди гарнизона и вызвало большую тревогу и негодование Суворова⁵. Этими обстоятельствами, возможно, объясняется элегический и очень мрачный колорит песни. Основная ее тональность — тоска по близким, чувство заброшенности в пустынных, необжитых местах:

Нет со мной родных ни милых,
Нет утешения для меня;
В сих странах пустых, унылых,
Я живу не для себя⁶.

Нельзя, конечно, утверждать, что трафаретные, подражательные стихи Ф. Сибирского в какой-то мере непосредственно отражают действительность Одессы или переживания автора, вызванные пребыванием именно в этом городе. Поэтому, пожалуй, правильнее начинать историю Одессы в русской литературе со стихотворения «Одесса», подписанного инициалами П. Ф. Б. и напечатанного в 1806 году на страницах журнала «Лицей»⁷.

В этом не отличающемся литературными достоинствами стихотворении заключены, правда в крайне обобщенной и неразвернутой форме, некоторые темы, которые станут основным содержанием поэтических описаний Одессы в литературе первой половины XIX века. Лейтмотив стихотворения — необычайная быстрота, с которой на месте пустынной степи появился город с разноплеменным населением:

Где степи лишь одни унылу мысль рождали
И странника где взор предела их не зрел,
Там ныне здания огромные явились,
Обилие во всем и вкус и красота,
Народы разных вер и стран там водворились.
Где дикие места, где делась пустота?

Разгадку этого «чуда» автор видит в «торговле»:

Торговля! ты душа деятельности мира,
Тобою соединены на веки все страны,
Природа без тебя была б пуста и сира,
Сокровища на век в земле погребены.

⁵ См. Суворов. Сборник документов, т. III. М., 1952, стр. 509—512.

⁶ Ж. «Приятное и полезное препровождение времени», 1797, ч. XIV, стр. 163.

⁷ Ж. «Лицей», 1806, т. IV, кн. I. Перепечатано в «Записках одесского общества истории и древностей», т. XXIX, 1911, стр. 87. К сожалению, мне не удалось установить автора этого стихотворения.

Да! помощью твоей Одесса возрастает,
Да будет так славна, как древний Карфаген,
Друг мира и людей того тебе желает.

Однако, вспомнив трагическую судьбу Карфагена, автор закончил свое произведение следующим заклинанием: «О если б не было кровавых в свете сцен!».

Как мы видим, в стихотворении очень мало конкретных черт города, много в нем преувеличений. Утверждение автора о наличии в Одессе 1806 года «огромных зданий» и «обилия во всем» трудно совместить с исторической правдой. Но любопытно другое — это ощущение той динамичности, которая характеризовала развитие Одессы в первые десятилетия ее существования, и уверенность в блестящем будущем города, сочетающаяся с наивной верой в цивилизаторскую роль торговли, что вполне объяснимо историческими условиями того времени.

В первые годы XIX века русские читатели встречали имя Одессы не так редко, но сначала преимущественно в очерках путешествий по «Новой России» Долгорукова, Свиньина, Чижова и др.⁸ В беллетризованных описаниях путешествий начал вырисовываться неповторимый облик Одессы, молодого, чрезвычайно быстро развивавшегося города, с необычной пестротой населения, своеобразными формами быта и т. д. Авторы всех этих описаний говорили о колоритности одесской уличной толпы, о таком непривычном для русского городского быта явлении, как казино. Наличие постоянной оперной труппы в молодом, нестоличном городе — как явление из ряда вон выходящее — тоже останавливало на себе внимание.

Не задерживаясь здесь на анализе и характеристике этого вида «одессики», отмечу только, что в этих произведениях мы находим ценные данные, которые должны быть использованы и для реального комментария к «Путешествию Онегина», и для характеристики «пушкинской Одессы».

Так, например, в книге И. М. Долгорукова «Славны бубны за горами или мое путешествие кое-куда в 1810 г.» говорится о доме Рено, в котором, как известно, жил Пушкин, о том, что там есть «клубная зала с гостиными покоем и бильярдами. Она продолговатой фигуры. По всем стенам протянуты колоннады и над нею хоры и т. д.»⁹

Впрочем еще более точное описание этого дома, а может быть, даже того самого номера, в котором жил Пушкин, мы имеем в статье П. Свиньина «Взгляд на Одессу (из живописного путешествия по России. Изд. «Отечественных записок», 1825 г.)», опубликованной в «Отечественных записках» за

⁸ Наш очерк не ставит себе целью охарактеризовать мемуарную литературу о «пушкинской Одессе» (Липранди, Вигель, Бутурлин и др.).

⁹ И. Долгоруков. Славны бубны за горами или мое путешествие кое-куда в 1810 г. М., 1870, стр. 152.

1830 год¹⁰. Вот отрывок из статьи Свинына, который, как нам известно, не использовался ни в краеведческой, ни в пушкиноведческой литературе. А между тем он представляет особый интерес. В нем описывается Одесса, наблюдаемая с того же места (из того дома, а возможно, из того самого окна), с которого смотрел на город Пушкин.

«Заняв в клобе (прим. автора: Лучшая гостиница в Одессе. За две комнаты платил я по 10 руб. в день) № 4, имеющий балкон на Ришельевскую и Дерибасовскую ул., я в первый раз удовольствовался наблюдением оттуда непрерывного движения, продолжавшегося на улицах далее полуночи. Прекрасные кареты, коляски, кабриолеты, верховые, возы с товарами, разносчики, разнородные группы гуляющих по тротуарам сменяли попеременно сцены, являли благотворные следы торговли»¹¹. Говорит Свинын и о центральной улице города — «по обоим сторонам оной встречаешь огромные дома в 2 и 3 этажа, магазинны, блестящие сокровищами Европы и Азии, и роскошные казины, полные посетителей»¹².

Несколько слов посвятил он театру, где слышал оперу Россини «Итальянцы в Алжире»¹³.

К пушкинскому описанию Одессы, пожалуй, больше других приблизился морской офицер декабрист Н. А. Чижов (1800—1848)¹⁴ в своем очерке «Одесский сад», опубликованном в 1823 году. Он затронул одну из «пушкинских» тем — этническую пестроту одесской уличной толпы. «Мы входим в сад, и волшебное зрелище поражает наши взоры: воображаешь, что все народы собрались здесь наслаждаться прохладой вечерней и ароматнейшим запахом цветов. Рослый турок... предлагает вам вкусный напиток азийский, между тем как миловидная итальянка, сидящая под густой тенью вяза, перенесенного с берегов Волги, подает вам мороженое в граненом стакане... Толпы гуляющих беспрестанно встречаются с вами. Единоземец великого Вашингтона идет подле брадатых жителей Каира и Александретты; древний потомок норманов с утесистых скал Норвегии, роскошный испанец с берегов Гва-

¹⁰ См. «Отечественные записки», 1830, ч. XLI (январь), № 117. Затрудняюсь установить точно, когда был написан этот очерк. Надпись в заголовке может толкнуть на ложный вывод о том, что он якобы был напечатан в 1825 году. Но речь идет о другом: очерк, очевидно, предназначался для издания книги «Россия в живописных видах», проспект который был опубликован в 1825 году, но сама книга не вышла (см. предисловие Свинына к книге «Картины России», ч. I. СПб., 1839, стр. XIII). Однако в очерке есть упоминание о памятнике Ришелье, открытом в начале 1829 года. Очевидно, это было приписано впоследствии.

¹¹ Там же, стр. 9.

¹² Там же, стр. 8.

¹³ Там же, стр. 37.

¹⁴ Некоторые биографические данные об этом забытом писателе см. в работе Б. Бухштаба «Кузьма Прутков, П. П. Ершов и Н. А. Чижов». «Омский альманах», 1945, кн. 5, стр. 116—130.

далквира, обитатели Альбиона, Прованса и Сицилии собрались, кажется, чтобы представить здесь сокращение вселенной... Можно сказать, что в России нет другого места, где бы мы нашли подобное зрелище...»¹⁵.

Словом, здесь пространно, с мнимоконкретными чертами, а по существу, в соответствии со сложившимися литературными трафаретами, передано то, что Пушкин сумел показать в нескольких лаконичных, но предельно емких строках:

Язык Италии златой
Звучит по улице веселой,
Где ходит гордый славянин,
Француз, испанец, армянин,
И грек, и молдаван тяжелый,
И сын египетской земли...

В очерковой литературе Одесса была сравнительно близка той Одессе, которая с такой поэтической прелестью, с такими точно выписанными деталями раскрывалась в пушкинских строках. Совершенно иначе следует оценить стихотворные описания Одессы допушкинской поры.

Прежде всего надо напомнить о стихотворении В. И. Туманского «Одесса», опубликованном в 1824 году. Вот это стихотворение, о котором, как мы помним, Пушкин со свойственными гению великодушием и щедростью сказал, что оно написано «очаровательным пером»:

В стране, прославленной молвою бранных дней,
Где долго небеса — отрада для очей,
Где тополи шумят, синеют грозны воды,
Сын хлада изумлен сиянием природы.
Под легкой сению вечерних облаков,
Здесь упоительно дыхание садов.
Здесь ночи теплые, луной и негой полны,
На злачные брега, на серебряные волны
Сзывают юношей веселые рои...
И с пеной по морю расходятся ладьи.
Здесь тихой осени надежда и услада —
Холмы увенчаны кистями винограда,
И девы томные, наперсницы забав,
Потупя быстрый взор иль очи приподняв,
Равно прекрасные, сгорают наслаждением
И душу странника томят недоумением¹⁶.

---

¹⁵ Н. Ч и ж о в. Одесский сад (отрывок из воспоминаний о Черном море). «Сын отечества», 1823, № 2, стр. 209. Через несколько страниц в этом очерке мы встречаем такие строки: «Вдали примечаем человека... тяжелая дума, кажется, лежит у него на сердце. По одежде я узнаю в нем грека. Потомок Мильтиада и Эпиминонда, соотечественник Платона и Пиндара! Угадываю причину твоих размышлений: отчизна занимает твою душу... Утешься, сын Эллады! Греция не может погибнуть. Ужель тот пламенный, который возжег просвещение в Европе, должен быть навсегда потушен варварами?» (Там же, стр. 213). Нужно ли говорить, что эти строки являются характерным памятником филэллинизма, охватившего тогда представителей передовой русской общественности.

¹⁶ В. Т у м а н с к и й. Указ. соч., стр. 117.

Как легко убедиться, в этом стихотворении, названном «Одесса», нет никакой Одессы — ни реальной, ни даже условно поэтической. Упоминания о «злачных брегах», о море с «ладьями», о теплых ночах и т. д. можно отнести к любому южному приморскому городу. Здесь нет никаких примет ни места, ни времени, никаких соответствий с подлинной тогдашней Одессой. Больше того, как известно, «упоительное дыхание садов» вызвало со стороны Пушкина ироническую реплику («Все хорошо, но дело в том, что степь нагая там кругом»). Написанное «звучными стихами», но совершенно бессодержательное, сотканное из литературных штампов, это стихотворение, конечно, не могло передать поэтический облик города, связать с ним какие-нибудь прочные поэтические ассоциации.

В плане нашей работы неизмеримо больший интерес представляет другое произведение под таким же названием «Одесса», опубликованное через год (в 1825 году) на страницах «Дамского журнала» за подписью М. Кобозева. Написанное неумелым пером, носящее явные следы подражания и литературной неопытности, широко использующее банальные эпитеты и трафаретные риторические обороты, очень архаичное в своих приемах и поэтическом словаре, это произведение (поэма) все-таки впервые в русской поэзии сделало попытку передать живые черты Одессы. Конечно, поэтика классицизма, средствами которой реализовалась эта задача, крайне ограничивала и осложняла возможности автора. Ему и Одессу в тексте приходилось называть «Петрополь южные страны» или «Российской Пальмирой».

У Кобозева Одесса расположена не вообще на море (как у Туманского), а конкретно, на Черном море. Правда, в соответствии с канонами своей поэтики, он рад, что может не называть его прозаически Черным морем, он называет его «красивее», по-античному — Понтом. Но на этом «Понте» он видит весьма реальную картину одесского порта:

Что вижу я? Чернеет Понт,
Слиявшись грозно с небесами;
Вокруг усеянный судами,
Там зрю дугой согнутый порт...
Спокойны сонмы кораблей.
По флагам их зефир летает...¹⁷

Кобозев вводит в свою поэму даже такую географическую особенность одесского побережья, как лиманы:

Скалы приветствуют пловцов
На лоне мирного лимана,
Сквозь тени синие тумана
Глядясь на зеркало берегов¹⁸.

¹⁷ «Дамский журнал», 1825, № 15, стр. 87.

¹⁸ Там же, стр. 88.

Вид Одессы. Спуск в порт.
Офорт Френцеля с рисунка П. Р. Фурмана (1820—1830 годы)

В Одессе Кобозев видел не абстрактные поэтические «юношей веселых роли» и не «дев томных». В одесской уличной толпе он видел нечто особое, свое:

Шумит по гавани толпами
В одеждах смешанных народ...¹⁹

У Кобозева нашлось место и для упоминания одесской оперы, правда, это было сделано в очень условной форме:

Здесь песни римлянок живые
Чаруют нежностью своей.

К этим строкам была сделана сноска, в которой говорилось: «Относится к итальянской опере»²⁰.

Одесса взята Кобозевым не вне истории. В поэме есть некоторые приметы времени. Для него Одесса прежде всего город, возникший в недавно еще пустынной, «варварской» стране. Чрезвычайно любопытно, что, описывая Одессу того времени, Кобозев вспомнил и о Пушкине, которого, по его словам, встречал в этом городе:

Кому еще звучишь ты, лира?
Тебе, любимейший поэт.
И ты любил глядеть на свет,
На прелесть южные столицы.
Я слышал звук твоей цевницы,
И с благоговеньем ей внимал
И весь в восторге трепетал²¹.

Мы уже говорили о том, что произведение Кобозева лишено художественной ценности, оно по уровню мастерства где-то на грани дилетантизма и т. д. И все-таки нельзя пройти мимо того, что в текст этой поэмы среди совершенно условных образов, наивных и банальных литературных украшений включены реальные черты Одессы, и именно те (и только те), которые определили схему пушкинского описания Одессы (порт — пестрая уличная толпа — опера).

Поэма Кобозева является последним (по крайней мере из известных нам) появившимся в печати в допушкинский период литературным описанием Одессы.

Но была еще другая область литературной практики, для которой тогдашняя Одесса была очень частой темой. Имеются в виду всевозможные «стихи на случай», послания панегирического характера и т. д., не предназначавшиеся для печати, а преподносимые в рукописном виде или публикуемые

¹⁹ «Дамский журнал», 1825, № 15, стр. 87.

²⁰ Там же, стр. 89.

²¹ Там же, стр. 90. К словам «любимейший поэт» издателями была сделана сноска, в котором говорилось: «Мы догадываемся, что это об А. С. Пушкине».

на отдельных листках, распространяемых в узком кругу лиц²².

Из литературы этого жанра остановимся лишь на одном произведении, а именно, на «Гимне благодарности», оглашенном на торжественном акте Ришельевского лицея 13 февраля 1824 года (на этом акте предположительно мог присутствовать и Пушкин)²³. Автором этого гимна был профессор лицея Ковалевский. Он читал политическую экономию. По словам одного мемуариста, Ковалевский писал «стишки по всяким поводам». Очевидно, именно «Гимн благодарности» сохранил в своей памяти один из лицеистов того времени — А. Сумароков, процитировав из него в своих воспоминаниях несколько строк:

Ты, Одесса, юга слава,
Берегов Евксинских честь,
Горда, пышна, величава;
Ты вешай, не он ли (Ришелье. — С. Б.) есть
Всей красоты твоей виною?
Так, его, его рукою
Ты взлелеяна, как дочь.
Наслаждаясь счастьем, миром,
Ты слывешь Сидоном, Тиром
И Афинами теперь²⁴.

Нет нужды указывать на то, что за этой пустой ложноклассической риторикой, официозно-чиновничьими восторгами и псевдоисторическими аналогиями нельзя было заметить каких-либо живых черт молодого города — такого своеобразного и необычного по всему облику и особенностям развития.

По своему общественно-политическому звучанию «произведение» Ковалевского, конечно, противостоит онегинским строфам. В нем Одесса взята в чисто официозном плане, показана как «творение» мудрого вельможи, поставленного монархом. Такая трактовка истории Одессы, как покажет дальнейшее изложение, чрезвычайно сильно подчеркнута и обильно представлена в очерковой и поэтической литературе об Одессе 20—50-х годов XIX века. Уже одно только полное умолчание о роли «властей» в создании и расцвете молодого города с достаточной четкостью определило общественно-идейное звучание онегинских строф. Справедливость требует отметить, что

²² Такая литературная продукция до сих пор научно не разработана, почти не опубликована и даже библиографически не учтена. В первые же десятилетия существования Одессы она была весьма обильной, как показывают наши находки в книгохранилищах и архивах Одессы, Ленинграда и Москвы.

²³ См. Одесский областной архив. Ф. 44 (Ришельевский лицей), д. 19, л. 14.

²⁴ «Одесский вестник», 1885, № 265. Сумароков относит это стихотворение к 1825 году. Однако в 1825 году Ковалевский уже не числился в составе профессоров лицея. Нет сомнения, что Сумароков ошибся в своей датировке на один год.

такого официального привкуса не было и в стихотворении Туманского, тогда очень близкого к декабристским кругам. Но этот «душок», правда в очень скромной дозе, чувствуется у Кобозева (в его поэме встречаются, например, строки: «Ночью волшебною рукой, каким искусством талисмана на береге северном лимана явился град земли родной?»).

Таковы итоги литературной разработки одесской темы к тому моменту, когда появились отрывки из «Путешествия Онегина».

Мы видели, что в некоторых произведениях, в основном очеркового типа, были подмечены отдельные черты реальной Одессы, и как раз те, которые явились основными элементами пушкинского описания. Но утонувшие в мертвых риторических рассуждениях, выступающие как случайное инородное тело в произведениях антиреалистического жанра (классицизма или эпигонского романтизма), они не создавали какого-либо законченного литературно-художественного образа Одессы.

К этому же приходится прибавить, что упомянутые выше произведения по своей художественной ценности не принадлежат к так сказать «большой литературе».

Пушкинская Одесса как литературная тема не появилась на пустом месте, но Пушкин, и только он, явился творцом Одессы как литературного образа.

В данной статье автор не преследует задачи дать анализ одесских строк «Онегина». И те отдельные замечания — совершенно необходимые в плане этой работы, — которыми автор делится, конечно, не только не исчерпывают темы, но даже и не намечают ее основные аспекты. Тем более, нет сомнения в том, что полная оценка общественно-идейного значения одесских онегинских строк не может быть дана, если мы будем рассматривать их в отрыве от гениальной пушкинской поэмы, этой «энциклопедии русской жизни» в целом; и, в частности, если не учтем нереализованный творческий замысел Пушкина, по которому путешествие Онегина по России должно было сыграть громадную роль в дальнейшем общественно-политическом развитии этого героя.

Нет необходимости напоминать, что в одесских строках Пушкин зафиксировал далеко не все стороны Одессы тех лет. В описании им города можно выделить лишь четыре основные темы: общая картина города, в которой наибольшее место занимает порт, внешняя торговля; пестрота, многонациональность населения города; замечания о городском быте (недостаток воды, пыль, отсутствие садов и др.); сцена в итальянской опере.

Было бы, понятно, смешным педантизмом, если бы мы бросили упрек Пушкину в том, что в свою поэтическую панораму Одессы он не вписал и других зарисовок, что он не запе-

чатлел таких сторон жизни города, мимо которых не вправе были бы пройти историк или географ.

Это не только не входило в его задачу, но и совершенно не соответствовало бы пушкинской поэтике, тем приемам воплощения облика города, которые можно проследить в его творчестве.

В самом деле, вспомним «пушкинский Петербург», «пушкинскую Москву». Разве Пушкин всегда ставил перед собой задачу изобразить эти города во всей сложности и противоречивости их политического и социального облика, во всем многообразии и многоплановости их архитектурного ландшафта и т. д.?

Петербург Пушкина — это прежде всего столица могущественной империи, воплощение величия и исторического подвига русского народа, придавленного деспотической властью. Стройные громады дворцов и башен, береговой гранит Невы выступают как прекрасное, органически и эстетически оправданное обрамление однообразной красоты «пехотных ратей и коней».

Или пушкинская Москва в том же «Евгении Онегине»? Здесь красочная панорама Москвы как бы воспринимается измчающегося и подпрыгивающего на ухабах возка — церкви и колокольни, будки, бабы, лавки, фонари, дворцы, сады, монастыри... купцы, лачужки, мужики, бульвары, башни, казаки и т. д. И здесь же воспоминание о недавнем подвиге Москвы, которая не пошла к завоевателю «с повинной головою», а, жертвуя собой для торжества родины, «готовила пожар нетерпеливому герою».

Конечно, у Пушкина можно найти строки и о другом Петербурге, другой Москве. Вспомним Петербург «Домика в Коломне». Но поэтический образ города Пушкин создавал, используя самое яркое, основное, то, что, по его безошибочному восприятию, создавало так сказать *genius loci*.

Так взята и Одесса, в которой с необычайной конкретностью, с точно нарисованными деталями выделено то, что было неповторимым, своим, необычным, нигде больше не встречаемым.

Изучая исторические документы и статистические таблицы, мы узнаем, что не так уж много было в Одессе итальянцев и испанцев. Да и встретить их можно было лишь на фасадных улицах да в порту. И «корсаров в отставке» в Одессе нельзя было, вероятно, насчитать более десятка. Но «язык Италии золотой» можно было услышать только в Одессе, только здесь можно было встретить Морали и таких, как он. Ни в каком другом городе России опера не играла такой общественной роли, как в Одессе — и мимо этого Пушкин тоже не мог пройти.

И негоцианты, торговые успехи которых полностью опре-

делялись капризно менявшейся конъюнктурой на международных рынках — разве это где-нибудь еще выступало так броско, как в Одессе? Вспомним, что легендарный коммерческий взлет Одессы произошел в результате континентальной блокады, что наибольшие барыши в анналах торговой Одессы получили негоцианты в 1816—1817 годах — сейчас же после разгрома Наполеона, когда разоренная и изголодавшаяся Европа нашла свою житницу в южноукраинских степях. Все это было за несколько лет до приезда Пушкина в Одессу, это было только «вчера» для Ризнича и других. В каком другом городе можно было почувствовать такую зависимость жизненного тонуса от того, какие новости привезут корабли:

И что чума? и где пожары?
И нет ли голода, войны,
Или подобной новизны?

И эта Одесса, взятая в таком аспекте, единственная и неповторимая, выступает перед нами из гениальных пушкинских строф опозитизированной, во всей ее южной яркости, ориентальный пестроты. И даже ее пыль, грязь и безводье выступают как красочные аксессуары этого замечательного города.

Эта Одесса — действительно «пушкинская» Одесса. Пушкинская в том смысле, что она дана через восприятие лирического героя. И само описание Одессы обрамлено строками, которые подчеркивают субъективность картины города. Начинается оно так: «Я жил тогда в Одессе пыльной», а завершается повтором: «Итак, я жил тогда в Одессе...».

Как было отмечено выше, пушкинское описание Одессы резко отличается от других описаний этого города конца XVIII — первой половины XIX века между прочим и тем, что в нем совершенно не говорится о том, что этот город возник совсем недавно, фактически на пустом месте, что он с необычайной, в истории крепостнической России больше не повторявшейся быстротой превратился в крупный (третий по населению) город страны.

Почему же Пушкин, при присущем ему глубоком историзме, в одесских строфах, в которых так много конкретных черт и примет места, прошел мимо этого? А ведь это было едва ли не самое важное и интересное в Одессе! Объяснить это можно тем, что всякое обращение к указанной теме объективно звучало бы как восхваление если не Воронцова, то его предшественников и вообще правителей самодержавной России конца XVIII — начала XIX века.

Не правильнее ли будет видеть в этой «фигуре умолчания» еще одно свидетельство верности Пушкина освободительным идеалам, проявленное им в такое трудное для него время. Не забудем, что одесский отрывок из «Путешествия

Онегина» был опубликован немногим более года после поражения восстания на Сенатской площади...

Пушкинское описание Одессы и его сюжетная схема долгое время оказывали прямо-таки гипнотизирующее влияние на большинство из числа тех, кто пытается в своих литературных произведениях отобразить этот город. Особенно отчетливо это сказывалось в ближайшие десятилетия после появления «Путешествия Онегина», когда сохранялись еще многие местные черты, зафиксированные Пушкиным.

Однако не всякое заимствование пушкинских образов или рабское следование за пушкинскими текстами может рассматриваться как проявление подлинного пушкинского влияния, если при всех чертах внешнего подражания Пушкину данное произведение далеко от него по своим эстетическим принципам и идейной направленности.

Обо всем этом нужно помнить при рассмотрении тех произведений литературы, о которых пойдет речь в дальнейшем изложении.

Одесский отрывок из «Онегина» прочно запомнили в Одессе (речь идет, понятно, о культурной части населения города). Об этом сохранилось несколько свидетельств. Так, в рукописном журнале «Ареопаг» (1828, № 2), издававшемся студентами Одесского лицея, говорилось, что публика «твердит» этот отрывок²⁵. Газета «Одесский вестник» в 1832 году писала: «Кто же не читал живого описания Одессы Пушкина»²⁶.

Как скоро стали воспринимать Одессу, даже в самой Одессе, через призму онегинских строф, видно из такого любопытного факта. Не прошло и двух месяцев со дня перепечатки на страницах «Одесского вестника» отрывка из «Путешествия Онегина», как в этой же газете анонимным автором был напечатан фельетон «Мои записки», написанный в виде обозрения Одессы²⁷. Вся «соль» этого фельетона — в литературном отношении очень слабого — заключалась в «обыгрывании» пушкинских строк, в робких попытках продолжать в пушкинском плане рассказ об Одессе.

Так, неизвестный автор писал: «Одесская кухня достойна похвал гастронома. Ресторатор Отон, прославленный поэтом Пушкиным, дает очень вкусные обеды и недорогие, только странно, что хорошее вино, *хоть и без пошрины привезено*, продается здесь чрезмерною ценой». К подчеркну-

²⁵ Номера «Ареопага» хранятся в отделе редкой книги Одесской государственной научной библиотеки им. Горького. В сб. «Пушкин. Статьи и материалы», вып. 1 (Одесса, 1925) была помещена специальная работа А. М. Дерибас «Ареопаг» о Пушкине». Ср. также указанную статью Алексева-Попова, стр. 120.

²⁶ «Одесский вестник», 1832, № 90.

²⁷ См. «Одесский вестник», 1827, № 52.

тым словам было дано два примечания: одно «сочинителя», в котором указывалось: «Стих Пушкина из 7 главы Онегина». А дальше примечание «издателей», то есть редакции газеты: «Это не совсем справедливо: за вино, как и за все товары, при входе в Одессу, платят пятую часть пошлины». Далее в этом фельетоне можно было прочесть: «В театре... теперь бы не сказал Пушкин, что мы (т. е. русские) ревели одни речитативы». К этому следовало снова примечание «сочинителя»: «Стих Пушкина оттуда же». — «Нет! продолжал автор фельетона, самые сложные арии распеваются теперь в кругу отечественной молодежи, оглашая часто и улицы и гульбища и ресторации».

Другой пример. В 1831 году в «Одесском альманахе» в статье М. Розберга (знакового Пушкина по Москве, поддерживавшего во время пребывания в Одессе переписку с поэтом) «Письмо из Одессы» можно было прочесть: «Если хотите, чтобы Одесса сделала на вас с первого взгляда приятное впечатление, не приезжайте сюда ни осенью, ни весной, выберите погоду тихую; в противном случае Одесса покажется вам омутом грязи и пыли. Пушкин уже давно воспел одесскую грязь прекрасными стихами; этот предмет здесь до сих пор еще не истощим...»²⁸.

Наблюдатели одесской жизни во всем видели прототипы пушкинских зарисовок; реальную действительность города осмысливали преимущественно в ее соответствии с пушкинскими текстами. Так, в «Одесском альманахе на 1839 год» в статье К. Зеленецкого «Жизнь в Одессе» мы встречаем такие строки: «Вашу прогулку не сделает теперь неприятной ни пыль, ни грязь, которыми Пушкин совершенно основательно напугал нас лет за пятнадцать»²⁹.

В том же альманахе на 1840 год мы читаем: «Пушкин обессмертил одесскую жизнь и природу; обессмертил упоительные одесские ночи, одесских важных негоциантов и их прекрасных подруг, одесский густой благоуханный кофе, одесское беспошлинное вино, одесские жирные устрицы; обессмертил даже скромного Отона, который до сих пор с той же классической услужливостью отворяет свои гостеприимные двери одесской «обжорливой младости». Вы не можете сделать шага в Одессе, не натолкнувшись на стих Пушкина в лицах»³⁰.

Не удивительно, что для путешественников, посещавших Одессу в 30—50-х годах XIX века, этот город ассоциировал-

²⁸ «Одесский альманах на 1831 г.». Одесса, 1830, стр. 398.

²⁹ «Одесский альманах на 1839 г.». Одесса, 1839, стр. 172.

³⁰ «Одесский альманах на 1840 г.». Одесса, 1839, стр. 19. Статья «Литературная летопись Одессы», откуда взяты эти строки, не подписана. М. П. Алексеев высказал предположение, что она написана И. Андреевским (см. «Пушкин. Статьи и материалы», вып. 1. Одесса, 1927, стр. 72).

ся раньше всего с пушкинскими образами. Пушкинское описание они считали лучшей характеристикой и современной им Одессы.

Старуха К. А. Авдеева, жившая в Одессе в 1831—1833 годах, отмечала, что на улицах города можно было встретить представителей различных народов, и тут же прибавляла: «Невольно вспоминаются слова поэта» — и цитировала известные строки: «Язык Италии златой и т. д.»³¹.

Автор многочисленных работ по истории и экономике Новороссии и Одессы А. А. Скальковский на заглавной странице своей книги «Историко-статистический опыт о торговых и промышленных силах Одессы», опубликованной в Одессе в 1839 году, поместил длинную выписку из «Евгения Онегина», начинающуюся словами: «Я жил тогда в Одессе пыльной...».

Упомянувший выше П. Свиньин в книге «Картины России», опубликованной в 1839 году, свой очерк об Одессе счел нужным завершить длинной выпиской из Пушкина: «Пушкин, — писал он, — живший в Одессе, сделал верный и прелестный очерк ее в Онегине. Заимствуем несколько стихов...»³².

А. Н. Островский свое письмо из Одессы, написанное 27 июня 1860 года, начал длинной выпиской из сочинений Пушкина. После нее он написал: «Так писал Пушкин слишком 30 лет назад. Одесса и теперь та же»³³. Понятно, Островский ошибся. За эти десятилетия «пушкинская Одесса» безвозвратно ушла в прошлое. Заметно изменился внешний облик города, изменилась классовая структура его населения, формы общественной жизни и т. д. Но всего этого Островский не заметил или не хотел заметить. В его сознании жила Одесса Пушкина, и он не хотел отказаться от мысли, что погрузился в какой-то уцелевший кусок пушкинского мира.

Наибольшую зависимость от онегинских строф можно обнаружить у тех авторов, которые отважились вскоре после Пушкина описывать Одессу в поэтической форме. Здесь мы сталкиваемся с некоторыми по-своему любопытными литературными явлениями, с удивительными фактами неприкрыто-ученического следования за пушкинскими образцами.

Так, прямую «перекличку» с одесскими строфами Пушкина представляют собой пятая и шестая главы «Поэтических

³¹ К. А. Авдеева. Записки о старом и новом русском быте. СПб., 1842, стр. 86.

³² П. Свиньин. Картины России и быт разноплеменных ее народов. Из путешествий П. Свиньина, ч. I. СПб., 1839, стр. 236. Следует отметить, что описание Одессы, помещенное в этой книге, не совпадает с описанием, опубликованным этим же автором в 1830 году.

³³ А. Н. Островский. Полное собрание сочинений, т. XIV. М., 1958, стр. 76.

Одесса, 1823 год. Вид на Ришельевскую улицу со стороны
Оперного театра

К стр. 280

очерков Украины, Одессы и Крыма» Ивана Бороздны, опубликованных в 1837 году. Вообще эти письма, а по существу, и все произведение в целом можно рассматривать как весьма самонадеянную попытку «продолжить» или «развить» намеченный в «Онегине» и, очевидно, по мнению Бороздны, не полностью реализованный Пушкиным сюжет о путешествии лирического героя.

Описание Одессы у Бороздны, который посетил город в 1834 году, намного длиннее, чем у Пушкина, но не выходит за рамки программы, данной в онегинских строфах. Поэма Бороздны полна скрытых онегинских реминисценций, ее автор не удержался и от прямой ссылки на пушкинское описание:

Мы в Ришельевской. Пышный дом,
Швейцар, отменно разодетый,
В окошках свет со всех сторон —
И я узнал, что это он,
Все тот же, Пушкиным воспетый,
Любимец странников — Отон³⁴.

Не прошел Бороздна и мимо такого пушкинского сюжета, как итальянская опера:

Мы по вечернему одеты.
Уж семь часов. Давно билеты
Из оперы принесены
И нетерпения полны,
Мы жаждем звуками упиться,
Чтоб позабывшись, очутиться,
На дальних Тибра берегах...
В ту пору молодой Беллини,
Как прежде чародей — Россини,
Уже Одессу восхищал...³⁵

Нужно ли подчеркивать, что упоминание о Россини должно было восприниматься как отсылка к пушкинскому стиху («...Пора уж в оперу скорей; там упоительный Россини...»). Такой же отголосок пушкинского стиха слышится в такой строке: «Давно гремит уж мостовая»³⁶ (вспомним: «...И скоро звонкой мостовой покроется спасенный город»).

Нельзя не вспомнить о пушкинской «Одессе пыльной», читая у Бороздны такие строки:

Пыль мучит, пудрит дерева,
от ней кружится голова;
а солнце с голубого свода,
как в степи аравийской, жжет
и злакам жизни не дает³⁷.

³⁴ И. Бороздна. Поэтические очерки Украины, Одессы и Крыма. Письма в стихах к графу В. П. З...у. М., 1837, стр. 75.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же, стр. 80.

И еще пример:

Но для него еще милей
Одессы шумной просвещение,
Европы, века отражение. —
Когда с брандвахты грохотал
Знакомый вечера сигнал
...Мы шли, бывало, на бульвар...³⁸

К пушкинскому тексту Бороздна приблизился, пожалуй, больше всего в следующих стихах:

Бывало только что примчатся
Суда из стороны чужой,
Негоцианты вдруг толпой
По улице зашевелятся;
Кто ждет товаров, кто друзей,
А кто из-за моря вестей³⁹.

В этих строфах автор не смог уйти от пушкинских образов, он рабски (и так неумело!) отталкивался от пушкинских текстов: «Там все Европой дышит, веет...», «Бывало, пушка зоревая лишь только грянет с корабля, с крутого берега сбегаю, уж к морю отправляюсь я...».

И другие, так сказать, более «самостоятельные» одесские зарисовки Бороздны являются, по существу, лишь перифразами известных пушкинских строф. Ограничимся одним примером:

Еще казино не закрыты:
Из них несется арий звук,
С бряцанием гитары слитый,
Шаров бильярдных слышен стук;
А языки, то итальянский,
Французский, английский, испанский,
То греческий, то стран других...⁴⁰

Таким образом, мы видим, что «Поэтические очерки» Бороздны, собственно говоря, не могут рассматриваться как самостоятельно существующее литературное явление, как попытка своими глазами увидеть Одессу и своими литературными средствами ее запечатлеть.

Нет ничего удивительного в том, что Бороздна предвидел обвинение в «подражании» Пушкину. Удивительнее другое — он пытался это опровергнуть! После приведенной нами выше строфы, начинавшейся стихами: «Когда с брандвахты грохотал знакомый вечера сигнал... мы шли, бывало, на бульвар», Бороздна делает следующее примечание: «Вообще это место (неумышленно со стороны автора) имеет некоторое сходство с неподражаемым, превосходным описанием

³⁸ И. Бороздна. Указ. соч., стр. 81.

³⁹ Там же, стр. 94.

⁴⁰ Там же, стр. 75.

Пушкина. Неоспоримо, что идти с ним одною дорогою большая дерзость; но в Одессе, как и во всяком другом месте, есть много такого, что не может уйти от внимания и, так сказать, невольно ложится под перо автора, взявшего на себя труд изобразить *по-своему* (выделено Бороздной. — С. Б.) описанное прежде кем бы то ни было»⁴¹.

Итак, автор лишь в этих строфах готов был признать внешние и произвольные совпадения при полной внутренней самостоятельности. Во всем остальном он даже не видел внешнего сходства⁴².

Был ли искренен Бороздна? Кого хотел обмануть — себя или других? Это уже проблема психологическая, и на ней мы останавливаться, конечно, не будем.

«Грамотные» и «гладкие» стихи Бороздны представляют собой только ученическое переложение онегинских строф. Поэтому «Поэтические очерки» закономерно остались вне литературы и могут сейчас рассматриваться только как любопытный памятник литературного эпигонства.

Но при всех заимствованиях у Пушкина Бороздна не может быть отнесен к числу «продолжателей» «одесско-пушкинской» традиции и не только потому, что не обладал какой-то степеню оригинальности. Главное в другом — между ним и Пушкиным не было никакой идейной близости. «Одесса» Бороздны только внешне «пушкинская Одесса». Самая его концепция Одессы — сугубо официозная, его славословия Воронцову, восторженные слова о дворцах одесских вельмож и т. д. — это не случайные строфы. Это, если можно так сказать, сердцевина произведения, его подлинная «душа». «Поэтические очерки» Бороздны архаичны не только в литературном отношении, они реакционны в общественном плане.

Так же глубоко чуждо и враждебно Пушкину и другое произведение на одесскую тему — книжка Н. Колотенко «Граф Томский. Роман в стихах», изданная в 1840 году. Она также была отмечена печатью подражания.

В рамках настоящей статьи мы не можем останавливаться на характеристике этого произведения в целом, которое, как легко угадать, претендует на «второго» «Евгения Онегина».

⁴¹ И. Бороздна. Указ. соч., стр. 86.

⁴² Единственное место в борозднинском описании Одессы, где можно полностью признать его самостоятельность, — это славословие по адресу Воронцова, представляющее разительный контраст с известной эпиграммой Пушкина: «Полумилорд...» и т. д.:

Благословляют Воронцова
и город тот и те края!
Монаршей воли исполнитель,
наук, художеств покровитель,
лоборник правды, друг добра,
сановник мудрый, храбрый воин,
олив и лавров он достоин!

Написанное «онегинской строфою», оно в своих основных сюжетных ходах, в композиционных приемах (включение в роман писем героя и героини и т. д.), общей «тональностью» и т. д. по-школьному имитирует гениальное творение Пушкина. Знакомство с этим романом свидетельствует не столько о дерзкой самонадеянности автора, сколько об его литературной невинности или о провинциальной наивности. Здесь мы коротко остановимся только на одесских моментах этого романа. Ограничимся несколькими примерами:

Одесса — южная столица,
Владычица Эвксинских вод,
Стоит как гордая царица,
Венец ей светлый небосвод.
У ног ее трепещут флаги...⁴³

В этом отрывке не только ученическое подражание Пушкину, но и нечто иное. «Южная столица», «владычица», «гордая царица» — это не пушкинский словарь, не пушкинское восприятие. Это — атрибуты официозной, «казенно-патриотической» поэзии. Ничем иным, как пересказом пушкинских стрóf, являются такие строки:

Устлались улицы гранитом,
Сверкают искры под копытом;
Здесь пятая стихия — пыль.
О, други милье! Не мы ль
Здесь утопаем в пышной неге...⁴⁴

Вспоминает Колотенко и одесский театр. Здесь также имеет место неудачное переложение пушкинского описания:

Летит в театр мой граф. Там полно.
Уж увертюра начата;
В партере зрители как волны;
В райке и шум и суета...
Что ж Томский скучен и не весел?
Но он лорнирует из кресел
Партерных лож живой цветник,
Одесских прелестей пикник...⁴⁵

Для нас, пожалуй, не так важно установить текстуальные заимствования, как подчеркнуть другое, а именно: Колотенко, как и Бороздна, не пытался выйти за рамки программы пушкинского описания.

Начиная с 40-х годов XIX века в литературных описаниях Одессы прямого подражания Пушкину уже, сколько нам известно, не обнаруживается. И это вполне естественно, поскольку исчезали те реальные черты Одессы, которые были запечатлены в «Онегине» и которые, как было показано выше,

⁴³ [Н. Колотенко] Граф Томский. Роман в стихах. Изд. Н. Колотенко. Одесса, 1840, стр. 7.

⁴⁴ Там же, стр. 9.

⁴⁵ Там же, стр. 100.

стали как бы обязательной программой для многих авторов поэтических описаний города.

Было бы слишком поспешным сделать заключение, что *все* без исключения поэты 30—50-х годов XIX века смотрели на Одессу через призму пушкинского восприятия. В стихотворениях Бенедиктова и Подолинского, то есть поэтов, которые, в отличие от Бороздны и Колотенко, могли претендовать на какую-то самостоятельную литературную позицию, нет следов влияния онегинской Одессы. Но в их стихах об Одессе нет пульсации жизни, конкретности, ощущения реальности. Они совершенно мертвы, необычайно архаичны и по своему внутреннему содержанию и по литературной форме. Приведем сначала стихотворение В. Г. Бенедиктова «Одесса»:

Перл земли новороссийской
Он цветет, блестящий град,
Полон славы мусикийской
И возвышенных отрад,
На морском высоком бреге
Он вознесся в южной неге
Над окрестною страной.
И пред дольными красами
Шеголяет небесами,
Морем, солнцем и луной.
И акация и тополь
Привились к брегам крутым,
Под рукой — Константинополь,
Под другой — цветущий Крым.
И евксински бурны воды
Шумно пенят пароходы,
Хлеб идет с конца в конец,
А Одесса, что царица:
У подножия пшеница,
Из червонцев слит венец.
А бульвар? — Приволье лени,
Где сквозь вешний аромат
По ковру вечерней тени
Ножки легкие скользят.
Моря вид и отблеск дальний
И целебные купальни,
Где в заветные часы
Сквозь ревнивые завесы
Блещут прелести Одессы
Иль заезжие красы...
И светла и благодатна
Жизнь Одессы, сладок юг,
Но и в солнце видим пятна,
Чист не весь и лунный круг:
Нов, спесив, от зноя бешен,
Может быть, в ином и грешен
Новый город, а притом
Столь он небу ни угоден —
Пылен, грязен и безводен.
Эгоизм и степь кругом⁴⁶.

---

⁴⁶ В. Г. Бенедиктов. Стихотворения. Л., Гослитиздат, 1939, стр. 198 и 199.

Это стихотворение очень характерно для поэтики Бенедиктова. Много «красивостей», словесной пены, выпранных и ходульных выражений при полном отсутствии подлинного живого восприятия, образности, искренности чувств, чего-то своего, ненадуманного. А между тем Бенедиктов побывал в Одессе (в 1839 году), где смог набрать некоторый запас личных наблюдений⁴⁷. Но приводимые им приметы места — «бульвар», «целебные купальни» и др. не придают его описанию какой-либо конкретности, жизненности.

Привлекает внимание последняя строфа. Здесь очень обычные и банальные жалобы на недостатки одесского быта — «пыль», «бозводье». Не менее обычным было и обвинение одесского общества в «эгоизме». Одесское общество, погруженное в чисто меркантильные интересы, часто обвиняется в письмах и произведениях современников (вспомним письма М. Розберга Пушкину, жалобы Зеленецкого и т. д.). Но поставив «эгоизм» между «безводьем» и «степью», Бенедиктов лишил эти обвинения эмоциональной нагрузки, психологического оправдания, не говоря уже о том, что здесь нет и элементарной логики. Перед нами просто скороговоркой произнесенный неупорядоченный каталог недостатков Одессы.

Не обрадует нас и знакомство со стихотворением «Одесса», написанным В. Подолинским. В отличие от Бенедиктова, побывавшего в Одессе лишь проездом, Подолинский прожил в этом городе почти двадцать лет (с 1831 по 1850 год)⁴⁸. И все-таки тщетны были бы надежды на то, что его поэзия хоть в какой-то мере обогащает наши представления об Одессе тех лет, что в ней звучит что-то свое, свежее, новое.

Приведем здесь с небольшими сокращениями стихотворение Подолинского «Одесса»:

От семьи родной далеко,
Где глухая степь легла,
Мать Россия одинока
Дочь меньшую родила.
И среди тройной пустыни
Моря, неба и степей,
Словно сказочной детине,
Цвезть и жить досталось ей
.....
Край собой одушевила,
Мертвой степи жизнь дала,
Незнакомые ветрила
Издали привлекла.
И от запада на братство
Приняла она залог,
И даря свое богатство,

⁴⁷ О пребывании Бенедиктова в Одессе в 1839 году и его встречах с писательницей З. Ган см. в воспоминаниях дочери Ган В. Желиховской в «Русской старине», 1887, № 3, стр. 755.

⁴⁸ См. Русский биографический словарь, т. «Плавильщиков—Примо». СПб., 1905, стр. 205.

Преклонился ей Восток.
Иноземкою красивой
Нарядилась она,
Но в груди своей спесивой
Чувству родины верна ⁴⁹.

Подпись под заглавием: «По случаю праздника, данного одесскому градоначальнику А. И. Левшину» — помогла определить и жанр, и направленность, и внутренний пафос стихотворения. «Одесса» Подолинского — это официально-бюрократическая концепция Одессы как столицы «Новой России». В этом стихотворении большое место заняло славословие по адресу монарха и «добрых пастырей», которых он дал несчастливенному городу. Кончалось это стихотворение совершенно подхалимскими стихами:

И полна благоговеньем
К покровителям своим,
Предлагает с умилением
Свой заздравный кубок им.

Совершенно понятно, что такая трактовка образа Одессы предопределила бесславную литературную судьбу этого произведения.

Продолжавшая реакционную и лишенную какой-либо литературной ценности линию «поэтического» восприятия Одессы, начатую любителем-одописцем Ковалевским, «Одесса» Подолинского была заслуженно забыта. Также было забыто хоть и не несущее явных следов административно-чиновничьего восторга, но лишенное подлинно идейного содержания стихотворение Бенедиктова.

В конце статьи следует отметить, что те тексты и наблюдения, которые были подобраны в этой работе, показали нам, как одни и те же объекты наблюдения почти одновременно попадали в поле зрения многих писателей. Но только под рукою Пушкина и одесская пыль, и уличная толпа, и опера,

---

⁴⁹ Это стихотворение впервые было напечатано в «Одесском вестнике» (1835, № 33) под заглавием: «19 апреля 1835 г.» и было включено в описание праздника, данного одесскому градоначальнику Левшину по поводу его временного отъезда. В этом описании сообщалось, что после официальных тостов «розданы были присутствовавшим стихи, написанные по сему случаю одним из известных наших поэтов. В этих стихах так ярко и так поэтически выражена дивная судьба Одессы, младшей дщери России, что мы не можем отказать себе в удовольствии передать их нашим читателям. Под этими стихами не подписано имени сочинителя, но мы уверены, что одесские читатели наши легко отгадают имя поэта, передавшего нам прежде в гармонических стихах, полных души и чувства, вдохновения свои с берегов родного Днепра, а ныне переселившегося на берег Черного моря и сделавшегося нашим временным согражданином». Это стихотворение под заглавием «Одесса» было перепечатано в книге: А. Подолинский. Сочинения, ч. I. СПб., 1860, стр. 280—282.

и негоцианты, спешащие в порт, стали предметом высокого искусства. И это «чудо» совершил гений Пушкина.

По ходу нашего изложения было показано, что «пушкинская Одесса» возникла, так сказать, не на пустом месте, что отдельные реальные черты Одессы были запечатлены в нескольких очерковых и даже стихотворных произведениях, опубликованных до появления отрывков из «Путешествия Онегина». Однако создание «Одессы» как определенного литературного реального образа было делом Пушкина, и только его...

После опубликования отрывков из «Путешествия Онегина» продолжалась, как было показано, и официально-реакционная линия литературного отображения Одессы, начатая Ковалевским. Иногда в произведениях этой «линии» не было даже и внешних следов влияния пушкинских стихов (например, Подолинский). Но даже тогда, когда авторы таких произведений пытались выступить как «продолжатели» или даже «улучшатели» Пушкина (Бороздна, Колотенко и др.), то и их также никак нельзя отнести к продолжателям «одесско-пушкинской» традиции. И это не только потому, что подражательство не открывает пути в литературу, а потому, что эти авторы были внутренне, по своей идейной направленности, абсолютно чужды Пушкину. (Здесь следует еще раз напомнить, что идейная направленность одесских строф может быть полностью и правильно раскрыта только при понимании их функции во всей идейной системе «Евгения Онегина»). Они же — эти Бороздны и Колотенки — не только не были подлинными продолжателями пушкинской традиции, они явно противостояли ей, так же как противостоял Пушкин официальной России, «поэтический» голос которой звучал (в одесской теме) в стихах Подолинского. Ничего не могло быть общего у Пушкина с чиновничье-бюрократической Россией, говорившей «звучными» и «красивыми» стихами Бенедиктова. Глубоко был враждебен Пушкин реакционно-дворянской массе, выразителями которой были «благонамеренный», тянувшийся в аристократы Бороздна и наивно-провинциальный Колотенко.

С 40-х годов XIX века Одесса на ряд десятилетий исчезает как поэтическая тема. В середине XIX века Одесса иногда становится объектом литературного описания, но в произведениях прозаического характера (К. Зеленецкий, З. Ган и др.), из которых ни одно не может быть причислено к «большой» литературе. В них с неодинаковой силой изобразительных средств отображались новые стороны одесской жизни, новые явления, новые общественные типы, порожденные в корне изменившейся социально-экономической обстановкой.

ПУШКИНСКИЕ НАУЧНЫЕ КОМИССИИ ИНСТИТУТА
ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ МФ АН СССР И ОДЕССКОГО ДОМА
УЧЕНЫХ

ПУШКИН
НА ЮГЕ

Труды
Пушкинской конференции
Одессы и
Кишинева

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ШТИНЦА»
МОЛДАВСКОГО ФИЛИАЛА АКАДЕМИИ НАУК СССР
КИШИНЕВ * 1961